

Книги Андрея Васильева
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл

«УЧЕНИКИ ВОРОНА»

**ЗАМОК НА ВОРОНЬЕЙ ГОРЕ
ГРОБНИЦЫ ПЯТИ МАГОВ
УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ**

Межавторский цикл

«КОВЧЕГ 5.0»

Андрей Васильев

**МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ
ДОРОГИ СУДЕБ
ВРЕМЯ РОКИРОВОК**

Дем Михайлов

ЖИРДЯЙ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ ВАСИЛЬЕВ

УЧЕНИКИ ВОРОНА. ОГНИ НАД ВОЛНАМИ

РОМАН

Москва, 2017
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В19

Серия основана в 1992 году
Выпуск 1066

Художник
И. Воронин

Васильев А.

В19 Ученики Ворона. Огни над волнами: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017. — 314 с.: ил. — (Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-2473-3

Если ты подмастерье мага, будь готов к тому, что спокойная жизнь для тебя кончилась. Все маги по своей сути не самые лучшие люди. А уж если тебе достался в учителя чародей по имени Ворон, который всем известен своим скверным характером, то готовься к тому, что ничего хорошего в обозримом будущем тебя не ждет. Например, тебя могут отправить на войну — как раз потому, что ты ученик Ворона. Одно хорошо — не только тебя, но и всех твоих соучеников тоже. И наставника за компанию. Одному выживать тяжело, вместе проще. Или, наоборот, сложнее?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Андрей Васильев, 2017
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

ISBN 978-5-9922-2473-3

ГЛАВА 1

— О, и вы вернулись! — дружелюбно заулыбался горбатый Тюба, который, как всегда, добросовестно выполнял свои обязанности привратника. — Вот хорошо-то! А то я все один, один. А осень — вон она, наступила уже. И дров надо запасти, и каштанов насобирать, и много чего другого сделать. А рук у меня две, всюду не поспеешь!

— Хоть кто-то нам в этом замке рад от всего сердца. — Аманда глянула в сторону арки, ведущей во внутренний двор. — Спасибо тебе, Тюба.

— Так а как же? — осклабился горбун. — Я к вашей братии завсегда с симпатией отношусь. А что же, вроде лошадки-то у вас другие? Монсеньор Гарольд, а где ваш конь? Да и больше вас уезжало из замка.

Привратник погрустнел и обвел наши лица взглядом, задержавшись на черном наглазнике Луизы и красно-бугристом шраме, разделившем ее лицо надвое.

— Так бывает, Тюба, — мягко сообщила ему та. — Просто дороги — они такие... Никогда не знаешь, куда приведут и что для тебя припасли. Вот и лошадки наши далеко отсюда остались, и нас стало поменьше.

— Те, что вчера с мистресс де Фюрьи приехали... Из их группы тоже не все вернулись, — глухо сообщил нам привратник. — Двоих я недосчитался.

— Как уже было сказано, еще пара таких летних прогулок — и нас вовсе не останется, — мрачно подытожил де Лакруа. — Ладно, поехали в замок, надо наставнику сообщить о возвращении и отдать то, за чем он нас посылал.

— Это я должен был сказать, — как-то даже обиделся Гарольд. — Вот, Тюба, так всегда и бывает. В походе ночей не спишь, думаешь о том, как бы так сделать, чтобы все были сыты

и бодры, как цели достигнуть и назад вернуться, а в финале кто-то непременно себе захочет лавры присвоить.

— Ваша правда, монсеньор Гарольд, — закивал своей огромной головой привратник. — Так же у моего батюшки было, когда он, стало быть, медведя-людоеда зимой на рогатину подел. Папаша мой его, значит, в берлоге-то разбудил, тот заревел, из нее полез...

Щеки де Лакруа запунцовели, он, насупившись, глянул на Монбронна. Луиза и Аманда звонко рассмеялись, потом к ним присоединилась и Фриша.

— Невероятно занимательная история, — не очень учтиво перебил его я. Мне хотелось побыстрее увидеть наставника и отдать ему бумаги Августа Туллия. Кто знает, что придет в голову ордену Истины? А если сюда уже движется отряд крепких ребят в черных балахонах? И еще один вопрос у меня к нему был, он у меня в голове давным-давно вертелся. — Мы непременно ее дослушаем, но потом. Мастер Ворон в замке?

— Где же еще? — и не подумал обижаться Тюба. — У себя он, как всегда. А то и в столовой уже, дело-то к обеду идет.

— Это шутка была. — Гарольд понял, что немного перегнул палку с де Лакруа. — Робер, не держи на меня зла, хорошо? Просто я до сих пор не верю, что мы смогли проделать этот путь туда и обратно, вот и несу всякий бред.

— Шуточки у тебя, — проворчал тот и направил своего коня в арку.

Странное дело — не было-то нас тут всего ничего, а ощущение создавалось такое, что целая жизнь прошла. Это было так же, как когда уехал ты из дома молодой, красивый, полный сил и надежд, а после вернулся туда же через много лет, старый и никому не нужный. Ты где-то бродил по свету, сражался, влюблялся, постепенно терял надежды, волосы, зубы и конечности, в результате остался ни с чем, а тут ничего не изменилось. Тот же дом, тот же скрип лестничных ступенек, разве только дубы подросли немного. Хотя, возможно, это не они подросли, просто это тебя жизнь-хитрюга так к земле пригнула. Стоишь ты и думаешь: «Может, и вовсе не надо было из дома уезжать?»

Вот и у меня было такое же чувство. Двор тот же, камни те же, все то же самое, что и весной. А мы другими стали, и от этого как-то неуютно очень на душе.

— Хвала богам, живой! — раздался голос, который я ни с чьим другим не спутал бы. — Не поверишь, Эраст, я начала за

тебя волноваться. Как правило, обычно я волнуюсь только за себя саму, любимую, потому переживать за кого-то другого мне очень и очень непривычно. Хотя где-то даже приятно.

Это была Роза. Она уже сменила охотничий костюм на платье и выглядела так, будто все лето где-то отдыхала и бездельничала, а не странствовала по прихоти Ворона. Может, только нам невеселая судьба выпала, а у них все шло как по маслу? Хотя нет, Тюба сказал, что они двоих потеряли. Ведь не грибами же эти двое отравились в самом-то деле?

— Роза. — Я принял как должное ее объятия, но обошелся братским поцелуем в щеку.

— Так, — похолодел ее голос, она невероятно ловко цапнула мой подбородок и устала мне в глаза.

— И что ты хочешь там увидеть? — насмешливо спросила у нее Аманда, спрыгивая с коня. — Синюю мусть и хитрые мыслишки? В этом нет ничего нового. В этом — весь фон Рут.

— Грейси, — нехорошо прищурилась Роза, поворачиваясь к Аманде, — надеюсь, ты помнишь о том, какая кара ждет распутницу, которая умышленно совратит обладателя перстня двух душ?

— Ничего хорошего ее не ждет. Или его, в зависимости от ситуации, — подсказала Фриша. — Но ты можешь быть спокойна, Аманда на фон Рута не посягала. И никто другой этого не делал, разве что в Эйзенрихе он где-то прошлялся несколько часов. Но я бы продажных девок за измену не считала.

— Как посмотреть, — возразил ей Карл, соскакивая со спины своего коня, который после этого облегченно зафыркал. — Сосед моего батюшки, Максимилиан фон Винтер, как-то раз вот так же к девкам съездил. Дело обычное, и даже супруга его к этому спокойно отнеслась, пока не выяснилось, что девки те его болезнью потешной наградили. И все бы ничего, вот только та же хворь потом обнаружилась еще у конюха, кравчего, постельничего, а после — еще и у их жен. Ох и шумное было разбирательство, кто кого и в какой последовательности этим делом наградил!

— Мое желание посетить Лесной край крепнет день ото дня, очень уж у вас там жизнь интересная. — Монброн глянул на своего скакуна и вздохнул. — Только сначала надо нормальную лошадь купить будет. И домой написать, чтобы денег прислали.

— И обучение закончить, — в тон ему нараспев произнесла Роза. — По лицам вижу — с удачей вернулись. Вот только уезжало-то вас побольше.

— Как и вас, — не остался в долгу Гарольд. — Нам уже сказали, что двое из твоего отряда не вернулись.

— Расти и Марта, — кивнула Роза. — Глупо все вышло, под камнепад попали. А так — как есть вакации вышли, прогулка, да и только.

И она одарила моего друга широченной улыбкой.

В этот момент из дверей замка вышла ее подруга Эбердин, причем изрядно прихрамывая.

— Оно и видно, что все прошло весело и беззаботно, — согласился с Розой Монброн, который тоже подметил ее походку. — Что до камнепада — бывает.

— Флайт не вижу, — прищурилась Роза. — Стало быть, не повезло малышке Фло?

— Не повезло, — подтвердил я. — И Ромулу с Фликом — тоже. Дороги, знаешь ли, не везде безопасны. Разбойники, то-се...

— Разбойники. — Роза щелкнула пальцами и хозяйским жестом погладила меня по щеке. — Спасибо, что напомнил. Монброн, нам надо будет поговорить наедине.

Судя по всему, известие о смерти трех наших соучеников ее совершенно не тронуло. Погибли — и погибли. Хотя, ради правды, новость о смерти Расти и Марты меня тоже не заставила пустить скупую мужскую слезу. Жалко ребят, но что поделаешь, мы сами избрали этот путь. Да и не сходилась я близко ни с тем, ни с другой. Больше скажу, Расти я не слишком-то и любил: он был близок к Мартину и постоянно ошивался около него.

— Почему нет? — легко согласился Гарольд. — Если только Эраст не начнет ревновать. Но давай чуть позже, мне надо наставнику доложить о прибытии.

— Разговор нужен не столько мне, сколько тебе, — пожала плечами Роза. — Просто у меня есть кое-какие новости из Силистрии, вот какая штука.

С лица Гарольда мигом слетела маска благодушия.

— Я быстро, — пообещал он моей нареченной и обратился к нам: — Все, пошли.

Эбердин тем временем спускалась по лестнице, придерживая правую ногу рукой. Я не большой знаток в ранениях, но тут явно не вывихом пахло.

— Привет, Мак-Майерс! — проорал ей Карл и взбежал вверх по лестнице. — Помочь спуститься?

— Сама, — проворчала она. — Знаю я таких помощников, как ты, только облапишь всю.

Дело было не только в этом, Эбердин просто любила все делать сама, без посторонней помощи. Горцы все такие: что мужчины, что женщины.

— Ого, — заметила она Луизу. — Де ла Мале, я смотрю, лето-то задалось?

— Не то слово, — криво улыбнулась та. — Всю жизнь его вспоминать буду.

— И я тоже. — Мак-Майерс показала на ногу. — Лекарь сказал, что если очень повезет, то все с ней будет нормально, и она только к непогоде ныть станет, и то не сейчас, а потом, к старости, если доживу до нее. А вот если нет, то хромать мне всю жизнь.

— С Вороном поговори, — посоветовал ей Карл, симпатизирующий уроженке Предгорья. — Чего теряешься?

— Уже. — Эбердин скривилась. — Рози вчера еще к нему подступилась с этой просьбой.

— И чего? — уточнил я. Интерес был не праздный, у меня к наставнику тоже была груда вопросов личного характера.

— Того, — хрипло хохотнула Мак-Майерс и передразнила нашего учителя: «Вы уже подмастерья, вон моя кладовая, там есть все ингредиенты и компоненты для мазей и зелий. А я пойду посплю». А то вы Ворона не знаете.

— Ну да, это на него похоже, — согласился с ней Карл. — В этом он весь.

— Фальк! — с верхней ступеньки гаркнул Гарольд. — Ты идешь или нет? Эраст, Луиза, ну что такое?

Судя по всему, слова Рози его взволновали, у него в голосе появилось некое беспокойство.

— Идите уже. — Эбердин с иронией глянула на Монбронна. — Дерганый он какой-то вернулся. Хотя, судя по всему, вам досталось не меньше, чем нам. Флайт не вижу, еще с вами этот уезжал, как его... Мелкий такой...

— Флик, — кивнул я. — Ну да, уезжать — уезжал, вот только не вернулся.

— Про то и речь, — сказала Эби и стала медленно спускаться вниз.

— Бедняжка Мак-Майерс, — вздохнула Аманда, когда мы уже шли по коридорам замка. — Сейчас де Фюрьи узнает, что Эбердин разнесла по кирпичику ее байки о том, что в их путе-

шествию все было легко и просто, и той достанется по первое число.

— Не понимаю, зачем Розы понадобилось врать про то, что в их странствии все было гладко? — произнесла Луиза. — Смысл? Показать, какой она умелый и предусмотрительный лидер? Выдержать позу? Нет, совершенно не понимаю.

— А мне не это любопытно, — подал голос я. — Мне другое интересно. Мне бы хотелось знать, как именно умерли Расти и Марта. В камнепад я верю слабо, по крайней мере, в то, что они оба сложили голову под ним. Детали бы заполучить. А что, если не только нас орден Истины пытался прижучить?

— Ну так в чем же дело? — преувеличенно бодро рассмеялась Аманда. — Прижми ее вечером к стенке в каком-нибудь темном коридоре, похватай за бедра, помни грудь — она все и расскажет.

— Да если бы все было так просто, я бы именно этот путь и выбрал, — вздохнул я. — Это Розы, ее таким образом не разговоришь. Хотя — почему нет, попробую этот метод непременно. Да нынче же вечером. Осень, холодает, самое время погреться.

Гарольд и Карл немедленно расхохотались, Аманда сжала губы и ничего мне не ответила.

Ворон сидел в своем любимом кресле, покуривал трубку и что-то говорил Гелле, которая расположилась за столом со свитком пергамента и гусиным пером. Слушая его, она то и дело кивала, делая в вышеупомянутом свитке пометки.

— Добрый день, мастер, — громко сказал Монброн, входя в обеденную залу. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Рад бы сказать то же самое, вот только, боюсь, это будет врачами. — Ворон прищурился. — В смысле «доброе здравия». Что-то де Лакруа бок бережет, да и Фальк немного скособоцился. Де ла Мале, судя по всему, вам досталось больше остальных?

— Не без того, — твердо ответила Луиза. — Но трем другим нашим спутникам повезло еще меньше. Ромул, Флик и Флоренс Флайт остались там, куда вы нас послали.

— В Гробницах? — удивился маг. — Все трое? Бесспорно, любой некрополь — это не лучшее место для прогулок, но для ночных. Если пойти туда днем, то эти места вполне безопасны. Что до крипты — там и вовсе нечего опасаться. Или вы все-таки сунулись туда ночью?

Мы в унисон засопели.

— Но трое! — продолжал препарировать нас маг. — Даже с тем небольшим багажом знаний, что я вам дал, вы должны были отбиться от тамошних обитателей. Да попросту сбежать, не принимая бой, в этом нет позора. Вы маги, а не воины. Самый страшный тамошний обитатель, тот, которого кличут Многоликим червем, опасен, но крайне медлителен, от него даже калека сможет ноги унести.

Ага, если только этого калеку окончательно от страха не парализует. Видел я того червя, он жуткий, как моя жизнь.

— Да нет, — заявил вдруг Карл, перебив Ворона. — Ромула разбойнички подстрелили, а Фло и Флика — в заварушке с ор...

Гарольд толкнул его в бок, глазами показав на Геллу, с интересом слушающую беседу.

— Короче, не в некрополе они погибли, а у его стен, — закончил за Карла я. — Так получилось.

— Но задание мы выполнили, — перехватил инициативу Монброн и достал из сумки рукопись, носящую название «Кольцо жизни», ту самую, за которой мы ездили. — Вот эта книга. Правда, она не содержит в себе никакой магии. Это совсем другое.

— Я знаю, — откликнулся Ворон. — Давно хотел почитать, очень много слышал о большом стихотворном таланте того мага, который ее написал. И, если вам интересно, удивлен. Не думал, что вы сможете добыть фолиант, по крайней мере, мне в свое время этого сделать не удалось. Нет, какое все-таки славное поколение идет нам на смену, а! Если бы еще и все обратно вернулись, то совсем были бы молодцы.

Монброн подошел к магу и протянул ему книгу.

— Почитаю на сон грядущий, — заверил нашего командира Ворон и отдал книгу Гелле. — Отнеси в мои покои. А вы садитесь за стол. Я угощу вас обедом, заслужили. И еще я хочу послушать о том, что вы видели и делали в своих странствиях, со всеми подробностями и деталями. И сразу, пока не забыл: Луиза, вечером загляни ко мне, я посмотрю твою рану. У меня нет таких познаний в целительстве и искусстве сохранения красоты, как у моих старинных приятельниц Виталии и Эвангелин, но кое-что я еще помню.

— Непременно, мастер, — кивнула де ла Мале. — Если честно, я очень надеялась от вас что-то подобное услышать.

— И правильно делала, — выпустил облако дыма Ворон. — Хотя я и отсюда вижу, что зажило все неплохо, тут моя помощь

и не нужна. А вот уменьшить шрам, сделать его менее заметным — попробуем. Глаз, я так понимаю, спасти не удалось?

— Нет, — ответил за замешкавшуюся Луизу Карл. — Сабельный удар, он сразу вытек.

Луиза дернулась. Как бы хорошо она ни держалась, воспоминания о той жуткой ночи около Гробниц были еще слишком свежи.

Рассказ мы начали не сразу, сначала пришлось сходить на кухню за хлебом, жарким и вином, что, впрочем, не сильно нас затруднило. Историю нашего путешествия Ворон слушал крайне внимательно, время от времени уточняя разные мелочи, которые мы за незначительностью опускали. Точнее, опускал Гарольд, который и был главным рассказчиком, а мы его дополняли.

Особенно он заинтересовался событиями той ночи, что мы провели в Лиройских пустошах, в развалинах старого замка.

— Стало быть, звали этих призраков Марк и Леон, — загнул два пальца Ворон. — Надо полагать, это были Леон Счастличик и Марк Пузырь. А девушку как звали?

Мы переглянулись. Как-то вылетело ее имя из головы, вот напрочь.

— Не Гертруда? — без малейшего намека на улыбку поинтересовался мастер. — По всему выходит, что это она была. Белинда и Розалинда никогда не разлучались, Мелли Си погибла в последней битве, это было зафиксировано в рукописях, равно как и смерть Сюзанны Клетти, ее сожгли при огромном стечении людей. Значит, это была Гертруда Раваль, также известная как Гертруда Отравительница.

Я потряс головой. Наш наставник, что, застал их всех при жизни?

— Точно, Гертруда! — хлопнула в ладоши Аманда. — Так и есть! Мастер, вы что, их знали?

— Грейси, ты меня иногда изумляешь до невозможности, — вздохнула Фриша. — Просто наш наставник хорошо изучил древние легенды. Этим призракам лет сколько, сама посудите?

— История Виталия и его двенадцати учеников относится к разделу особо запретных знаний, — пояснил Ворон. — Мне всегда было любопытно то, что запрещено, плюс от всей этой старинной истории исходил более чем притягательный аромат тайны и бунта, как мимо такого пройти? Вот и посидел в свое время в архивах, пообщался с людьми, которые что-то слыша-

ли, что-то читали, что-то передавали от отца к сыну. Интересно было узнать, что тогда на самом деле случилось, почему столько запретов на всем, где только мелькает имя Виталий.

— И что, много узнали? — с интересом спросил я.

— И да и нет, — помедлив секунду, ответил мне Ворон. — Я успел узнать достаточно для того, чтобы немного понять истинные мотивы восстания и цели Виталия, но не продвинулся так далеко, как хотел бы. Мне для начала изрядно хлопнули по рукам, чтобы не тянул их куда не надо, и дали понять, что в следующий раз вдарят по другому месту, более чувствительному. Причем не только мне, но и тем, с кем я дружу. Точнее, дружил. Если моя голова — она только моя, что с ней хочу, то и делаю, то головы моих друзей — это другое дело. Ими рисковать нельзя. И я оставил свои поиски, во избежание.

— Не похожа эта Гертруда была на отравительницу. — Аманда поджала губы. — Девчонка вроде нас, ничего в ней рокового не было. Отравительницы — они другие, я видела, у нас в королевстве их время от времени казнили.

— А она такой и не была, — подтвердил наставник. — Просто случилось так, что именно ее заподозрили в отравлении брата одного из тогдашних королей. При этом она как раз пыталась его спасти от смерти, потому и была с ним до конца, до того момента, когда он испустил дух. Потом ее застали над бездыханным телом и обвинили в его смерти. Обычное дело. Как и то, что на основании этого ее приговорили к сожжению на медленном огне. Последнее, правда, не воспоследовало, ее успели похитить из камеры в последний момент и переправить на Юг, где в то время обретался сам Виталий. Ну а потом дороги привели ее в Лирой, где, собственно, она и нашла свою смерть. Но это я уже связал то, что сам знаю, с тем, что вы мне рассказали. Слушайте, вы везучие ребята. Вот так встретить свидетелей той эпохи, пообщаться с ними и остаться после этого в живых — невероятная удача.

— Насчет пообщаться — это да, а насчет остаться в живых... Они же сказали, что не тронут нас, — пожал плечами я. — Они же такие, как мы... Или почти как мы.

— Про то и речь, — пояснил наставник. — Вам повезло в том, что они помнят, какими когда-то были. Призраки магов, да еще такие древние — это не просто концентрированное зло, это как-то по-другому называется, даже я сразу подходящего слова не подберу. Не стану врать: если бы мне пришлось с ними

столкнуться, то до утра шансов дожить почти не было бы. Порвали бы эти трое и мое тело, и мою душу на мелкие кусочки. Их прижизненный опыт и тяжкое посмертие — такая мощь, что говорить страшно. А посмертие у них всех такое, что не дай боги никому, и я сейчас не про то, какую лютую смерть они приняли, говорю, а про совсем другое. Я-то полагал, что тогдашние архимаги сделали все, чтобы закрыть всем двенадцати ученикам Виталия путь к упокоению душ, и обрекли их на вечные муки. Однако же вот ошибся, по крайней мере, отчасти. Виталий, оказывается, провел над ними ритуал посмертной памяти. Как видно, подозревал, что в случае его поражения душам учеников не будет покоя. Разумно, хотя и жестоко. Впрочем, спорный вопрос, как оно лучше — тут призраком существовать или там, неведь где, в виде мятущейся души. До той поры, пока сам этого не попробуешь, не разберешь до конца, как оно обстоит на самом деле.

— Почти ничего не понял, — пожаловался непонятно кому Карл.

— А я, кажется, поняла, — медленно проговорила Аманда. — Они говорили о каком-то старом заклятии, которое произнес их наставник в день вручения посоха. Вы о нем?

— Именно. — Ворон снова начал набивать табаком свою трубку. — Нет, ну какая мощь была у магов прошлого, а? Я читал про ритуал посмертной памяти, только поверить не мог, что это не теоретическая выкладка, а вполне реальное заклинание. Такое плетение, такие формулы никто из ныне живущих повторить не сможет, это уж вы можете мне поверить. Сами посудите — тут и магия жизни, и магия смерти, и изменение сознания, причем у живого человека, более того — мага, и еще несколько несочетаемых нюансов. И самое главное — магия времени, а это вообще запредельные высоты. И все спаяно в единую формулу.

Я впервые видел нашего учителя настолько раздухарившимся.

— Магия жизни и магия смерти — в одном заклинании? — это была Гелла, которая как-то незаметно снова оказалась в зале. — Наставник, вы же говорили, что эти две разновидности невозможно смешать воедино. Жизнь — это жизнь, смерть — это смерть, они несочетаемы, одно с другим находится в вечном споре и вражде.

— В том-то и дело! — махнул трубкой Ворон. — И еще время! Время, магия которого, по сути, вообще не является величи-

ной. И ведь он не просто сплел это заклинание, он применил его двенадцать раз подряд. Двенадцать! Представьте себе, сколько энергии ему для этого понадобилось. Или же он нашел путь обхода этой проблемы, нашел способ черпать силу из каких-то других закромов, а не из себя самого и окружающего нас мира. Нет, Виталий был величайшим магом своего времени, а может, и вовсе лучшим в истории континента. Обрывки летописей не ввали.

— Что-то мне подсказывает, что именно это его и сгубило, — предположил я.

Люди не любят новое и тех, кто это новое им приносит. Мне такие слова мастер-вор говорил, а он эту жизнь знал так, как никто не знает. В общем, ему можно верить.

— Ну да, — подтвердил Ворон. — Это и сгубило. Точнее, не только это, насколько я понял, там много разного сплелось в один клубок, из него потом и вытянули ту веревку, которой Виталия к столбу на горе Штауфенгрофф привязали.

И он замолчал, попыхивая трубкой.

— Продолжать? — минутой позже спросил у него Гарольд.

— Само собой, — одобрил его мысль Ворон.

— Гелла, пойми правильно, — повернулся мой друг к соученице, которая уже пристроилась за стол рядом с нами. — Не обижайся, но дальше я хочу рассказать то, что предназначено только для мастера.

Луиза и Аманда обменялись взглядами и многозначительными улыбками, смысл которых мне был предельно ясен. Имелось в виду, что секретов для Геллы после этого лета в замке Ворона осталось не так уж много. Вполне вероятно, они и правы, но я Гарольда поддерживаю. Расскажет наставник ей потом о дальнейших наших похождениях, не расскажет — это сугубо его дело. А мы все сделаем сейчас так, как положено.

И потом — не тот человек Ворон, чтобы любимчиков заводить. Любовниц — возможно, но эти слова хоть и однокоренные, да несут в себе разные смыслы.

— Гелла, скажи остальным подмастерьям, чтобы они нас не беспокоили до той поры, пока я не закончу беседовать с прибывшими, — произнес наставник.

— Хорошо, — покладисто ответила она и покинула залу.

— Итак, что было дальше? — с любопытством поинтересовался мастер. — Что именно не должна слышать ваша соученица?

— Сразу к этому вопросу переходить или все-таки по порядку рассказывать? — уточнил Гарольд.

— Порядок должен быть всегда, — сообщил ему Ворон. — Как без него. Так что будь последователен, Монброн.

Вот правду говорят люди: дорога длинна, когда меряешь ее ногами, и коротка — когда словами. Уже скоро рассказ Гарольда дошел до того эпизода нашего путешествия, который я, скорее всего, буду помнить всегда.

— Орден Истины. — Ворон скривил рот в усмешке, только я не смог определить, была она ироничная или злобная. — До чего неугомонные. Вот не любят они меня.

— Не любят, — поддакнул ему Карл. — Сильно не любят. Сам слышал.

— Со мной все ясно, но вас-то зачем в это впутывать было? — Ворон нехорошо прищурился: — Грейси, мне не нужен ваш комментарий по этому поводу, это риторический вопрос. Я сам знаю на него ответы, причем все, от «Все средства хороши» до «Через нас вас прихватить попроще». Вот только это все так, отговорки. Нет-нет, я не собираюсь сейчас терзаться муками совести по поводу гибели моих подмастерьев, речь не об этом. Просто я никогда не воюю с детьми и не люблю тех, кто это делает.

— Вам совсем не жалко наших друзей? — спросил у наставника де Лакруа. — Они погибли, выполняя ваш приказ как-никак.

— Я человек, а не статуя, — ответил ему Ворон. — Как человеку, мне их жалко, а вот как наставнику, учителю и магу — нет. Жизнь в нашем мире жестока, и каждый из вас должен четко осознавать, что он делает, что он говорит и каковы его ближайшие и дальние цели. До слова, до жеста, до интонации. Вы будущие маги, и вся ваша жизнь станет походом по тонкой веревке, натянутой над пропастью. Чуть в сторону — и все, под вами пустота. Вас будут бояться люди, не любить власть предрежащая и ненавидеть собратья по цеху. И каждая ошибка может стоить вам жизни как минимум. Весь прошлый год я вас учил именно этому, и путешествие, что вы совершали, было экзаменом, в первую очередь, по данной дисциплине. И трое из вас его не сдали. Ромул не надел кольчугу, хоть все знают, что леса герцогств — рассадник разбойников. Флик дал слабину, позволил себя запугать, сломался. Хотя умер он как мужчина, этого не отнять. Что же до мистресс Флайт, ее погубила несдержан-

ность. Есть мужчины, которые боятся женщин и невероятно трясутся за свою репутацию, она обязана была это просчитать, не давать воли эмоциям. Покойный Август Туллий, судя по всему, был из таких. Так вот, Флоренс ударила по его самолюбию, чем здорово навредила всем вам и себе в первую очередь. Слово — ваш первейший друг и одновременно с этим — злейший враг, все зависит от того, как вы его используете. Кстати, судя по описанию этого самого Августа, я знал его деда, редкой пакостности был человек. Такие черты передаются по наследству, знаете ли.

— Вот это да, — переглянулись мы. — А еще говорят, что мир велик.

— Да тут все просто. — Ворон почесал затылок. — Его дед был родным братом моего однокашника, Гая Петрониуса Туллия, с которым я был очень дружен и в доме которого как-то все летние вакации провел.

Кого? Гая Петрониуса Туллия? Боги мои, я вел грешную жизнь, но не настолько же!

ГЛАВА 2

Я перевел дух. Меня одновременно и знобило, и кидало в жар. Семь демонов Зарху, а если мастер Гай — любящий дядюшка? Что, если внучатый племянник для него был единственным светом в окошке?

Одно хорошо — то, что я этого Августа добил. Если бы он уцелел и рассказал своему дядюшке, кто именно его чуть ко всем богам не спровадил, то меня, наверное, ничего бы не спасло. Родная кровь есть родная кровь, и даже при условии, что мастер Гай вовсе не настолько любящий родственник, как я о нем думал секунду назад, все равно он бы мне выписал по первое число. Как-никак не чужие же люди они были с покойным.

А теперь докажи, что это именно я его прикончил. Точнее, узнай, как именно этот Август Туллий голову сложил. Шакалы и твари из-за кладбищенской стены там, наверное, уже и костей от павших не оставили. Ну а если что и осталось, то песком занесет.

Нет, если мастер Гай, конечно, задастся вопросом, кто убил его родича, то узнает. Но буду надеяться, что не задастся.

— Ладно, это все было давно. — Ворон потер ладони. — У него ведь наверняка с собой были те допросные листы, что вы должны были подписать. Прихватить не догадались? Или побрезговали тела обыскивать?

— Обыскали и нашли. — Я подошел к нему и протянул сумку с бумагами. — Вот они.

— Читали? — с прищуром глянул на меня Ворон, не открывая ее.

— Нет, — помотал головой я. — Не стали. Если чего-то не знаешь, то и рассказать об этом никому не сможешь. Мало ли что еще там есть, в этих бумагах?

Я не врал. Мы на самом деле не лазили в сумку, еще в доме Раваха-аги договорившись о том, что я только что сказал Ворону.

— С одной стороны, молодцы. — Наставник подбросил сумку на ладони. — Лишняя информация зачастую приносит больше вреда, чем пользы. С другой — любознательность должна стать вашим вторым именем. Маг должен как мышь, как таракан лезть в любую дырку, чтобы знать все обо всем. Новые знания — это то, за чем вы будете охотиться всю свою жизнь. Власть, золото — это все прекрасно, но их наличие у вас напрямую зависит от того, как много вы знаете, то есть от того, насколько вы умеете использовать свой ум и магическую силу, превращая их в одно целое. Люди примитивны в массе своей, получив некую информацию, они ее просто забывают. Маги же умеют переплавлять слово в дело, превращая полученные нематериальные знания в зримую и осязаемую мощь. Только тут поосторожней надо, люди крайне завистливы и мстительны. Я к тому, что от грамотного доноса никакая сила не спасет. Придут ночью хмурые ребята в черном, руки скрутят — и на костер.

— Какая мрачная картина, — потрогала повязку на глазу Луиза, появилась у нее такая привычка.

— Какая есть, — без улыбки, на редкость серьезно ответил ей Ворон. — Ладно, что-то разговорился я сегодня, тянет меня на длинные речи. Все, молодцы, зачет вам за летнюю практику. Можете еще пару дней побездельничать, пока не кончится отведенный мною на выполнение задания срок, а потом все, придет время занятий. И вот еще что — не забудьте получить у Тюбы ведра и лопаты.

— Зачем? — со вздохом спросила Аманда, явно заранее предвидя ответ.

— Так наказание вам за забытый во время ночлега защитный круг, — пояснил наставник. — Точнее — неустановленный. А что? Правы были ученики Виталия, такая оплошность требует наказания. Вот сразу видно — знающий у них был наставник, гонял их от души, вон как они шустро определили, что вас ждет. Так что заслужили — получите, все по-честному.

— На неделю? — уныло спросил Гарольд. — В смысле — наказаны на неделю?

— Ну не совсем уж я тиран и деспот. Это разовое мероприятие, направленное на подготовку к новому учебному году, — добродушно ответил ему наставник. — Профилактическое. И потом, вы же пришли вторыми, какая неделя? Вот сейчас вернется Мартин, он со своей командой и будет тем счастливым, которому достанется главный приз. Догадываетесь какой? Я еще весной говорил о том, что последним финиширующим крепко не повезет.

— Тоже мне секрет, — тихонько пробормотала Аманда. — А то мы сами не понимали, что к чему.

— Будем считать, Грейси, что данную реплику я не слышал, — почесал ухо Ворон. — Не хотелось бы стать одним из тех наставников, которые легко предсказуемы. Н-да.

И он задумчиво начал барабанить по подлокотнику кресла.

— Вы не такой, — немедленно среагировал я. — Не-не-не, она вообще не про это говорила!

За этим «н-да» могло последовать вообще все что угодно. Вот сейчас задумает он доказывать свою оригинальность — и отправимся мы в лес какую-нибудь травку искать, которая растет на местах старых пожарищ, причем в единичном экземпляре.

— Да она вообще ничего не говорила! — затараторила Фриша, тоже сообразив, куда ветер дует. — Молчала она!

— Тогда идите, — разрешил наставник, открывая сумку с документами. — Свободны.

Мы все дружно выдохнули. Миновала нас чаша сия, по крайней мере, на сегодня.

— Да, фон Рут, — оклик Ворона остановил меня в тот момент, когда я почти покинул обеденную залу, — ты давай-ка держись.

Все-таки судьба есть. Она решает за нас, когда и что должно произойти, независимо от наших пожеланий и планов. Хотя иногда она делает что-то именно так, как ты вроде бы и желал,

то есть идет тебе навстречу, вот только в тот момент, когда это происходит, ты осознаешь: лучше бы этого не было.

На корабле, который доставил нас к родным берегам, у меня было время подумать о всяком-разном. О себе, о друзьях, о том, как дальше жить. А еще я очень много размышлял о том, что неплохо бы все рассказать наставнику. Вот вообще все, от начала до конца. И про то, кто я есть, и про то, как сюда попал, про мастера Гая и Агриппу. Голеньким перед ним остаться, в переносном смысле, понятное дело. А потом совета спросить, как дальше существовать.

И так я прикидывал, и эдак — всяко выходило, что чем дольше я буду молчать, тем в перспективе кислее мне будет. Ну ладно, раньше я был вынужден это делать, все упиралось в мастера Гая. Но если верить Эвангелин, то убить меня он не сможет, по крайней мере, пока я ученик Ворона. Точнее, на расстоянии не сможет, с помощью магии. Агриппу подобные запреты не останавливают. Но Агриппе до меня еще добраться надо, а это в корне меняет дело. Когда опасность перед глазами, ты можешь от нее защититься. Или убежать, что тоже вариант. То есть можешь побороться за свою жизнь. И совсем другое дело, если кто-то, кого ты не видишь, вдруг возьмет и распорядится твоей судьбой. Это разные вещи.

И ведь уверен был в том, что это правильное решение — покаяться. Слова подбирал, представлял себе, как это будет, даже реплики Ворона напридумывал. Все упиралось только в то, что делать подобное следует наедине. Сейчас же все случилось именно так, как я хотел, — вот Ворон, вот я, и никого более в зале нет. Так отчего я уверен в том, что решение, которое на корабле казалось единственно верным, — ошибочное? И четко осознаю, что ничего о себе я Ворону рассказывать не буду? Хотя ответ прост. Страх. Боюсь я, и сильно, до пота на спине, до дрожания всей моей требухи. А что, если он меня из замка выкинет? Может, и нет, а если да? Даже если бы сейчас ко мне с небес спустились боги и сказали, что этого можно практически не опасаться, то я все равно выбрал бы молчание. Вот куда я пойду? Обратно в подворотни? Не хочу я этого. Нет, мое место здесь. А значит, молчать надо о том, кто я и что я. До последнего молчать именно об этом.

— Не спишь? — внезапно спросил у меня наставник. — Просто ты застыл на месте, ресницами не хлопаешь и вроде как

даже не дышишь. Вот я и подумал: может, ты как боевая лошадь — стоя спать умеешь?

— Не сплю, — откашлявшись, отозвался я. — Мастер, я здесь, я с вами.

— Это хорошо, — одобрил Ворон. — Скажи-ка мне, барон, что это ты так дернулся и глаза выпучил, когда я о своем дружке Гае Туллии упомянул? Ты его знаешь, что ли?

— Нет, — тут же ответил я. — Откуда? Я до вас только одного мага и видел, он на городской площади славного города Фалтрейна чудеса являл — слепым зрение возвращал и по воде ходил, по фонтану, что на площади стоит. А еще с ним была бородатая женщина, вот уж диво так диво!

— Назвать бы тебя идиотом, да боюсь ранить юношеское самолюбие, — фыркнул Ворон. — Это шарлатан был, а не маг. А теперь заканчивай валять дурака и четко мне ответь — откуда тебе знакомо имя моего однокашника? Да ты не нервничай так, мне просто интересно.

Я же говорю — судьба. Она всегда дает шанс, причем каждому из нас. И тут уж от тебя зависит, как ты им распорядишься. И еще все зависит от того, насколько хорошо ты умеешь мешать правду и ложь, создавая из них нечто среднее.

— Тут вообще странная история, — помявшись, сказал я наставнику. — Непонятная. Я даже ребятам ее не рассказывал, смысла в этом не видел.

— И? — Ворон снова начал набивать свою трубку. — Не спи на ходу, фон Рут.

— Это случилось в Эйзенрихе, — начал я рассказ. — Если вы не знаете, так этот город славится своими... Мм...

— ...шлюхами, — завершил за меня предложение Ворон. — Это мне известно, я там бывал, и не раз.

— Именно, — подтвердил я. — Мы как прилежные студюзусы внимательно изучали достопримечательности тех мест, которые проезжали, ибо вы велели нам держать глаза открытыми, впитывая в себя...

— Дежурство на кухне, — загнул один палец Ворон. — Пока одно. Что там с достопримечательностями?

— И мы пошли к шлюхам, — подытожил я. — Ребята чуть раньше смылись, так что мне пришлось самому бродить по городу, в результате меня занесло в какой-то притон, название которого я даже не запомнил. И вот там...

Я тискал и мял события, что произошли со мной в Эйзенрихе, как глину, создавая из них правдоподобную историю, при этом осознавая, что все шито белыми нитками. И самым слабым звеном здесь было то, что хоть сколько-то внятное обоснование интереса, который проявила ко мне Эвангелин, в этой истории отсутствовало.

Но шанс я упускать не хотел. Мне нужно было подтверждение слов магессы о неприкасаемости учеников, я хотел удостовериться в том, что она мне не врала. Веры ей не было, вот какая штука. А кроме Ворона, этого сделать больше никто не мог, по крайней мере — в ближайшее время.

Был шанс, что речь о подобном пойдет на занятиях, но ждать этого я не собирался.

Да и на вопрос наставника про мастера Гая как-то надо было отвечать.

— В общем, как она меня отпустила, так я сразу оттуда и сбежал, — закончил я свой рассказ и вытер пот со лба совершенно непритворно. Внутри у меня все дрожало. — Очень страшно было, мастер. Особенно когда она меня ослепила.

— Жестокая Эви стала. — Ворон пыхнул трубочкой. — Мягкости в ней и раньше не было, но подобные штуки она никогда не проделывала. Впрочем, она и молоденьких мальчиков никогда раньше в постель так агрессивно не тащила. Эта особа в целом была далека от радостей плоти. Видимо, возрастное, вот она так и изменилась.

— Возрастное не возрастное, но жути я натерпелся такой, что словами не описать. — Я передернул плечами, давая понять, что очень впечатлен.

— Странно это все. — Ворон задумчиво сдвинул брови. — Нелогично. Прямо как в представлении площадных комедиантов, у них всегда в пьесах логики нет, а совпадения высшего порядка — нормальное явление. Вот и тут — ты шел к шлюхам, а попал в постель к моей старинной приятельнице, которая твою с тобой невесть что.

— Как было, так и рассказал, — немедленно выпалил я. — Мне врать резона нет, я ни в чем не виноват. Вот и про этого вашего друга, Гая Туллия, она мне говорила, я имя запомнил. А тут вы его называете, и выходит, что мы прибили племянника вашего однокашника. Сами посудите, как мне еще реагировать?

— Это-то понятно. — Ворон отмахнулся. — Тут и я бы удивился. И сразу — не переживай, если даже Гай докопается, чьих

это рук дело, то неприятностей у тебя не будет. Они с братом друг друга ненавидели, подозреваю, что эта неприязнь перешла на детей и внуков. По этой же причине Гай даже разбираться не будет, кто его родственника прикончил. Да что там — он про это даже если и узнает, то только случайно.

Внутри стало чуть комфортнее — одной бедой меньше.

— Но Эвангелин... — Наставник потер подбородок. — Что-то меня в твоём рассказе смущает, что-то тут не так. Нет, ты не врешь, такое не придумаешь, да и зачем тебе это. Но не вяжется одно с другим.

— Что было, то и рассказал, — твердо заявил я. — И скажу вам так — женщина она, конечно, видная, грудь там, бедра, но встречаться с ней в этой жизни я бы больше не хотел. И другим бы не пожелал. И даже вспоминать про это больше не хочу.

— Грудь? — изумился Ворон. — У Эвангелин?

— Ну да. — Я сделал волнообразное движение руками. — Высокая такая. Мягкая. Достойная, одним словом. Для ее-то возраста это вообще, знаете ли... Хотя магия, я понимаю.

— Даже магия не может дать того, чего природа не предусмотрела. — Ворон рассмеялся и скрутил кукиш. — У Эви груди были меньше, чем вот эта фи́га, она вообще была как мальчик, я помню, у меня даже не сразу... Кхм... Не суть. И главное — она ни в какую не хотела менять свой облик, сколько ей ни предлагали это сделать. Это ее позиция была, понимаешь? Эвангелин вообще очень принципиальный человек, потому с ней не всегда было приятно иметь дело. Если чего-то решила — все, с места не стронешь. Нет, она может согласиться с аргументами и фактами, даже об этом объявить вслух, но ее мнение все равно останется при ней. Я-то еще ничего, но вот тот же Гай, с его мировоззрением, повадками и замашками, с самого начала с Эви не ладил. Так что какая грудь, о чем ты? Стоп. А волосы какого цвета у нее были?

— Черные, — пробормотал я, понимая, что вопрос задан не просто так.

— И родинка вот тут? — Ворон ткнул себя пальцем в правую щеку. — Пикантная такая.

— Ага, — подтвердил я.

— Так это Виталия была! — расхохотался он. — Вот теперь все сходится. И слепота, и то, что она тебя на себя втащила, и рассказы ее о том, как она людей ломает, и все остальное. В этом она вся. Нет, ничего не меняется.

— А зачем же она чужим именем представилась? — без какого-либо наигрыша спросил я у него. — Какой в этом смысл?

— Да кто ее знает? — Ворон почесал затылок. — Может, захотела занять своего человека в моем замке. Может, шутку пошутила, которая ей удалась. Я же голову поломал, пытаюсь понять, какая муха Эви укусила? А может... Она что-то про кресло архимага говорила, насколько я помню из твоего рассказа?

— Если точно, то сказала, что она без двух минут архимаг одного из магических конклавов, — кивнул я. — Обещала мне протекцию после того, как займет этот пост, вот так-то.

— Эта может. — Ворон снова засмеялся. — Она любит себя должниками окружать, думает, что это крайне правильный подход. Как по мне, глупость несусветная, должники — они хуже врагов. Враг — он тебя ненавидит от всего сердца за то, что у тебя есть все, что нужно ему, и открыто об этом говорит. А должник тебя ненавидит за то, что ты сделал ему добро, и всегда молчит про это, изображая дружбу. Потому враг может в случае твоего поражения проявить благородство и сохранить тебе жизнь, а должник никогда этого не сделает. Ты ему живой не нужен, даже для глумления.

— Тонко, — признал я.

А что? Все так и есть.

— Так вот она может думать, что я общаюсь с Гаем и донесу до него эти слова, — продолжил Ворон. — А он, насколько я знаю, тоже метит в это самое кресло. Как, к слову, и Эвангелин.

— И Виталия, — продолжил я его речь произвольно.

— Именно, — подтвердил Ворон. — Они сцепятся, а большего Вит и не надо. Пока двое дерутся, третий будет спокойно идти к своей цели. Хотя это предположение как раз на воде вилами писано, слишком много «если». Если я общаюсь с Гаем, если испытаю желание ему что-то сообщить, если ты вообще мне это все расскажешь... Думаю, просто подшутила она над тобой. Точнее — надо мной.

Да, как же! Как раз все именно так и есть, только наставник тут ни при чем. Я Агриппе внешность своей нечаянной любовницы не описывал, так что мастер Гай будет уверен, что я общался именно с Эвангелин, тем более у них давнишние трения, и такой ее интерес ко мне полностью оправдан. А это значит, что они скоро сцепятся не на жизнь, а на смерть. Ну а Виталия получит желанную фору.

Тонко. Вот же тварь! Когда все всплывет, мастер Гай наверняка сначала будет рвать и метать, а после начнет искать крайнего. И долго ему искать не придется. Ей-ей, лучше бы я молчал. Результат был бы тот же, но я хоть не знал бы ничего. Нет, я давно усвоил тот простой факт, что закрывать глаза в преддверии беды — это величайшая глупость, но в данном случае это был бы лучший выход. Все равно я себе помочь в этой ситуации никак не могу и теперь только нервы буду жечь, представляя, что со мной сделает мой наниматель.

— Повеселил. — Ворон хохотнул. — Вот правда повеселил. Опять же вкусил прелестей Виталии. Между прочим, она среди наших девушек была самая красивая, к ней под бочок многие пытались подкатиться, но в те времена она была очень разборчива. Что ты хотел — дочка герцога как-никак. Ее отец был большим вельможей в Ферлинге, если не ошибаюсь, советником тогдашнего короля.

Я безразлично пожал плечами. После этого лета почтения к титулам у меня серьезно поубавилось. Да и не у меня одного. Все мы из мяса и костей, и принцессы и нищие. И смерть нас забирает тоже одинаково — раз и навсегда, разница только в тех способах, которые она использует. Кому-то — арбалетный болт в грудь, кому-то — нож под ребра. А в остальном — одно и то же.

— А вообще хорошо, что я сюда от всего этого сбежал, — внезапно сменил тему разговора и тон Ворон, снова берясь за бумаги покойного Августа Туллия. — Никогда я этой грызни за кресла совета и власть не принимал. Понимать — понимал, но лично мне этого не надо. И тебе, фон Рут, я советую в подобном не участвовать, себе дороже выйдет.

— Да мне бы посох получить, — я потупился, — и больше мистресс Виталию на своем пути не встретить. Мастер, а правду она сказала, что убить меня у нее руки коротки?

— Правду. — Ворон оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на меня. — Чистую. Есть такая традиция. После инициации, с того момента, как ты стал подмастерьем, другой маг не вправе убить тебя без моего на то соизволения. Вообще-то традиции нужны для того, чтобы их разрушать и нарушать, но не в этом случае. Такое правило ввели боги, и за его нарушение с виновника спрашивают лично и очень строго, по крайней мере, так об этом написано в летописях. Врут эти летописи или нет — неизвестно, но проверять подобное не станет никто, себе дороже может выйти. А ну как правда? Причем там еще и кара не указа-

на, что особенно пугает. Боги жестоки и изобретательны, это все знают. Так что можешь спать спокойно — пока ты подмастерье, тебе ничего не грозит, в магическом плане, разумеется. Вот получишь посох — тогда да, тогда берегись.

Ну, хоть что-то. И вот как тут замок покинуть? Да никак.

Ворон помахал рукой, давая мне понять, что разговор окончен, и углубился в чтение свитка, время от времени негромко хихикая. Как видно, его собственные грехи, перечисленные в допросных листах, вызывали у него не страх, а приступы веселья. Вот такой у нас наставник, орден Истины для него развлекатели.

Только выйдя из зала, я понял, что мою рубаху можно выжимать, — она от пота промокла насквозь.

— Чего он тебя оставил-то? — сразу обступили меня мои недавние спутники, как только я появился во дворе.

— Вопросы разные задавал, — процедил я и обвел их тяжелым взглядом. — Кто как себя показал в странствиях. Так и сказал: «Тебе, фон Рут, верю, как себе, так что говори, кто чего стоит».

— Не придуривайся, — немедленно приказала мне Аманда. — У тебя такое даже Тюба узнавать не станет, а он простак из простаков.

— Да про Августа Туллия расспрашивал, — сменил тон я. — Сумка-то его у меня была, вот, видно, от этого Ворон и оттолкнулся. Что знал — рассказал. А где Гарольд?

— Да вон он. — Аманда с неудовольствием ткнула пальцем на стоящую в отдалении от всех парочку. — Что-то она ему нехорошее говорит, видишь, у Монброна лицо какое.

Я поразмыслил секунд десять и направился к ним. Интересно же, о чем речь идет. Да и права Аманда — лицо у моего друга было сильно невеселое, а значит, следовало узнать, в чем дело. В крайнем случае шуганут на подходе.

Да и вообще, все, что связано с Розы, мне безразлично. Это еще одна неприятная часть моего нынешнего бытия. Нет, не сама Розы, которая, кстати, у меня никакого отторжения не вызывает. Как ни странно, но я был рад ее увидеть, сам даже этому удивился. А собственно, за что мне ее недолюбливать? Ну да, она властная и в обращении с остальными иногда жестковата бывает, не отнять. Так она из этого и тайны не делает. Но вот такая она, что теперь поделаешь? Зато умная и красивая, что тоже не последнее дело. И знает, чего от жизни хочет, не то что

некоторые, которые только и делают, что на все подряд обижаются и потом губы дуют.

Вот кабы еще не ее родня, которая меня и смущала... Я помню, как меня от родственников предостерегали, и верю в то, что мне сказали. Это не маги, пальнут из арбалета — и все. Или шпагами на ломти настругают. И главное — было бы за что, ведь я даже ни разу ей руки за пазуху не запустил. Король Рой хоть основания имеет меня не любить.

— Вот такие новости, Монброн, — услышал я слова Розы, подойдя к ним. — Что узнала — рассказала.

— Плохо. — Гарольд запустил пятерню в свои светлые волосы. — Опечалила ты меня, де Фюрьи.

— Что-то случилось? — поинтересовался я. — Или этот рассказ не для моих ушей?

— Дома все плохо, — озабоченно сказал Гарольд. — Очень плохо. Отец заболел, причем тяжело. И самое странное — как-то внезапно, что наводит на кое-какие предположения. А если прибавить сюда то, что мой дядюшка Тобиас сразу же после того, как отец слег, развил немалую деятельность по захвату государственных постов и даже прибрал к рукам кое-какие дела нашего семейства, то эти предположения переходят практически в уверенность.

Я припомнил давний ночной разговор Гарольда и Аманды, где он упоминал какого-то общего родственника. Не этого ли?

— Так вроде твой отец ладил со своим братом? — немного удивился я. — Судя по твоим рассказам.

— Мой отец тоже ладил со своим двоюродным братом, — с ехидцей произнесла Розы. — Но это не помешало ему отправить того на эшафот. Это власть, фон Рут, здесь родственные связи — только инструмент. Эраст, взрослей уже, пора заканчивать такие глупости спрашивать.

— Если отец умрет... — Рот Гарольда свело легкой судорогой. — Если это случится, то старшим в семье станет мой брат, а его Тобиас растопчет моментально. Генрих не боец и никогда им не был. Про сестер я не говорю вовсе. Хотя им ничего и не грозит, кому эти дуры нужны. Но старшинство в семье для нашего колена будет потеряно навсегда, оно перейдет к ветви Тобиаса.

— Гейнард сказал, что такие вещи без поддержки не делаются. То есть при дворе у твоего дяди есть люди, которые при необходимости его поддержат, — деловито заметила Розы и пояснила для меня: — Гейнард — один из моих братьев.

— Да это и так ясно, — махнул рукой Гарольд. — Я же не ребенок, все прекрасно понимаю. Зато теперь понятно, почему нас ждали на той лесной дороге. Эраст, ты помнишь, мы все гадали, по какой причине именно меня хотели убить в обязательном порядке?

Точно, было такое. Гарольд для них был главной целью, они орали еще: «Вон того режьте первым».

— Дядюшка меня им заказал, — зло проговорил Гарольд. — Руку на отсечение даю — его это работа. Старый пес! Боится, гад такой, что я на обучение плюну, как узнаю, что к чему, и в Силистрию вернусь. Я не Генрих, меня так просто не сожрешь.

— Или в Фольдштейн сначала наведаешься, — добавила Роза. — К Рою Шестому. Твоя мать с его женой ведь родня? Гейнард сказал, что на твоём месте он поступил бы именно так. В Силистрии слово короля Фольдштейна имеет ох какой серьезный вес, не мне тебе это объяснять. Заручись ты его благословением — и дядюшке твоему придется туговато. Да и мое семейство при необходимости готово оказать тебе поддержку. Де Фюрьи сильны не только в своих землях.

— Прямо не знаю, что делать, — немного жалобно произнес Монброн. — Семья все-таки. Хоть на коня прыгай и мчи во весь опор.

— Так и мчи, — даже как-то удивилась Роза. — Какие тут могут быть сомнения?

— А это? — Гарольд рванул рубаху на груди, показав нам печать. — Я маг. Я больше не один из наследников, у меня осталась только родовая фамилия, и не более того.

— У нас всех есть долг крови. — Роза была невероятно серьезна. — Мы получили его с первым шлепком по заднице, который сделала повитуха. В нас живут все те, кто носил наше имя прежде нас, и все те, кто будет носить его после нас, извините за высокий стиль.

— Не будет. — Я начал догадываться, куда гнет Роза. — Мы бесплодны. За нами не будет никого.

— Ты меня понял, — погрозила мне пальцем Роза.

— Пойду к Ворону. — Бледный до синевы Гарольд одернул рубаху. — Может, отпустит на месяц-другой.

— Давай-давай, — одобрила его поступок Роза. — Удачи.

Не отпустил его Ворон. Сказал: либо тут, либо там, сам реши. Но если уедешь, то можешь не возвращаться, причем на подобную поблажку он идет в первый и последний раз.

Гарольд мучился ужасно, но выбор уже на следующий день сделал в пользу замка, чем удивил меня невероятно. Семья все-таки. У меня ее не было, но если бы была, то я бы ни на что ее не променял. За пару дней он совсем извелся и осунулся. Мы даже начали за него всерьез опасаться, а Аманда сообщила нам, что если так дальше дело пойдет, то она сама к Ворону ходит и такое там устроит!

А еще через день в замок пожаловал отряд Мартина.

ГЛАВА 3

Не знаю, как выглядели в глазах наших соучеников мы, когда вернулись в замок, но надеюсь, что не так удручающе, как отряд Мартина. Вернулось их всего семеро из одиннадцати уехавших, так мне сказала Роза, найдя меня на кухне, — сегодня была наша очередь готовить. Причем слово «наша» поменяло свой смысл относительно первого года обучения. Раньше «наша» означало благородных. А теперь — нет. Как-то само так получилось, что и мы, и те ребята, которые провели лето под командой Розы, теперь держались друг друга в тех составах, на которые нас некогда разделил Ворон, и делали это если не как кровные родственники, то как очень близкие друзья. Хотя какие же мы не кровные? Смешалась наша кровь в ту ночь у Гробниц, навсегда и бесповоротно. Моя и Фалька — это уж наверняка, я его когда к лошадям тащил, кабана такого, на нем живого места не было, да и из меня кровь текла изрядно, так что смешалось одно с другим, смешалось.

Ворон против подобного не возражал, точнее, он на это даже внимания не обращал. Ему главное, что дело делается, а на то, в каком составе мы на заготовку дров идем или еду готовим, начхать. Это наша головная боль.

Что до Мартина, так они даже нас переплюнули, четверых потеряли. Вопрос, кого именно? Ну, с Магдаленой все понятно, но кто еще?

Выйдя во двор, я увидел, что здорово похудевший и изможденный Мартин и его спутники стоят в окружении соучеников, о чем-то их расспрашивающих. Впрочем, о чем именно, можно и не гадать.

— А Шарля — его вот буквально два дня назад убили, — донесли до меня слова, произнесенные голосом, который я совершенно не ожидал услышать.

— Да ладно, — пробормотал я себе под нос и шустро сбежал по ступенькам вниз.

Это была Магдалена! Та самая, которая, если верить словам Агриппы, скоростижно утонула в болоте... Этом... Как его... Нифлейском. Точнее — в болотах, так он говорил, хотя это не столь принципиально. Главное — не утонула она, вон стоит себе, про смерть Шарля Лекока рассказывает. Потрепанная, как и все остальные прибывшие, на щеке — подсохшая глубокая царапина, правая рука — на перевязи. Но живая.

И чего теперь? Опять все по новой, мне снова придется думать, как ее убить? Причем теперь мне этого совсем уж делать не хочется. Раньше меня останавливал тот факт, что она одна из нас, а теперь мне еще и с ее нанимательницей дело иметь неохота. Ну да, Эвангелин оказалась не Эвангелин, но все равно, ну его. Все они, магессы в возрасте, похоже, чокнутые.

— Разбойники, — дополнил ее слова Мартин, при этом у него дернулся глаз. — Главное — всегда эта дорога спокойная была, сроду там никогда никто не пошаливал. И на тебе, сначала из арбалетов жажнули, в Шарля сразу три болта попало, он первым ехал, а потом на нас поперли, пришлось драться, еле отбились. Причем даже тело с собой увезти не удалось, мы десятерых уложили, но к ним подмога подоспела, в лесу такие вещи всегда издалека слышны — кусты трещат, да и перекрикивались они. Мы — руки в ноги и ходу оттуда. А что сделаешь? Тем более что и потрепало нас изрядно, Магде по руке саблей прошлись, Михаэлю вон бок пропороли. И все равно, такой сволочью себя чувствую до сих пор из-за того, что тело пришлось там оставить... Словами не высказать.

Однако знакомый подход к делу у разбойничков. Уж не из-за нас ли Мартину и его группе перепало? Паромщик тогда говорил, что атаман смерть сына не спустит.

— Совсем герцоги обленились, — подал голос Гарольд. — Столько этой погани в лесах развелось — ужас.

Мартин вскинулся было, думая, что Монброн его поддеть хочет, но неожиданно для себя наткнулся на понимающий взгляд и совершенно серьезное лицо своего давнего противника.

— Мы Ромула так же потеряли, — пояснил мой друг, верно расценив поведение простолюдина. — Правда, еще весной и

далеко отсюда, у паромной переправы через Стийю. Ну и тело мы забрали и похоронили потом, но это нам повезло просто, успели до того, как нас по новой прищучили.

— Привет, Эраст. — Магдалена заметила меня и помахала мне здоровой рукой. — Ты чего на меня так смотришь, будто покойницу увидел?

— Вас так долго не было, что мы все уже засомневались, живы ли? — запнувшись, ответил ей я. — Хоть съездили-то удачно?

— Если бы, — вздохнул Мартин, чем снова меня удивил. Прямого конфликта у меня с ним никогда не случалось, если не считать нескольких словесных перепалок, но я точно знал, что он меня изрядно недолюбливает. В первую очередь, из-за дружбы с Гарольдом. А тут вон — даже ответил. — Все впустую. Ладно, пошли к наставнику.

И семеро прибывших направились к входу в замок.

— Ну? — гордо заявила Рози, подбоченившись. — Я же говорила, что сумею привести своих людей к победе. Вот результат — задание мы выполнили, вернулись сюда первыми, и потери у нас самые незначительные.

— Любые потери значительные, — хмуро сказала Аманда. — Даже если это один человек, а у тебя двое не вернулись. Это не цифры, это люди, не забывай, де Фюрьи.

— Ты зануда, Грейси. — Рози сжала губы. — Завистливая зануда. Эраст, нам надо поговорить.

— Тогда идем со мной на кухню. — Мне за последние дни порядком поднадоел ее командный тон, поездка совсем ее испортила. Она и без того властная была, но сейчас это уже превратилось в манию какую-то, пора было ставить ее на место. — У меня там говядина тушится. Заодно поможешь мне с овощами, их почистить надо и потихоньку в котел закладывать.

— Дело! — зашумели соученики. — Тушеное мясо — это хорошо. Особенно если с овощами.

— Фон Рут, я не помню, говорил ли я тебе, что мы, возможно, с тобой даже в родстве находимся. Документально я это подтвердить не могу, но уверен в этом. — Карл потер руки. — А родичи — это святое, ты же знаешь? Они всегда друг друга поддерживать должны. Например, двойной порцией.

Не знаю, отчего, но в Кранненхерст, деревушку, которая расположилась неподалеку от Вороньего замка, наставник нас не отпускал, и Карл не имел возможности набить свой желудок

до отказа в тамошней корчме. Ну а обеденные ученические порции были для него на один зубок, потому он все время ходил недовольный жизнью.

— Потом поговорим, — подытожила Роза. — Овощи — это прекрасно, но у меня другие дела сейчас есть.

— Вот как так? — Я с прищуром глянул на нее. — Как мозги мне забивать разным-всяким — так это запросто, а как помочь с делом — так никогда. Роза, душа моя, будь последовательна — запрягая, хоть сена клок дай.

— Или просто дай! — Чего-чего, а простоты Фальку было не занимать, он что думал, то и говорил.

— Ка-а-арл! — протянула Луиза вроде как смущенно, но при этом ехидно улыбаясь.

Де Фюрьи она не любила, видимо давно решив для себя, что с Аmandой мне лучше. Тем более что Аманда была ее подругой, а Роза — нет. Роза же тем временем на все сказанное никак реагировать не стала, вроде так и надо. Только улыбку изобразила, но такую, что я бы на месте Карла шпагу ночью с собой в постель клал. От греха.

— То-то, — важно сказал я и удалился со двора.

Аманда, впрочем, тоже хороша. Шутки шутками, но от помощи я бы не отказался, рук-то у меня только две. Но дождешься от нее, как же. То ли дело Фриша, только на нее и можно надеяться в таких вопросах.

Впрочем, я и без помощи управился — руки овощи чистили, а мысли тем временем текли как река. Монотонная несложная работа тем и хороша, что голову не забивает, когда ее выполняешь, очень славно думается.

А подумать было о чем. Например, о Розе и Аманде. Я не знал, как разрубить этот узел, и очень опасался, что кто-то из них сделает это за меня. И та и другая — сильные, властные и хорошо владеют оружием. И, что самое скверное, я здесь выступаю не как Эраст фон Рут, барон, красивый собой и весь такой притягательный, нет. Я просто некий камень преткновения, о который запнулись эти две девушки и который каждая собирается перекатить на свою территорию. Так-то я, может, им и вовсе не нужен, не такая уж большая ценность — моя персона. Тут дело в принципе, кто кого. Женщины если упрутся, на многое способны. И, если совсем уж честно, Роза в особенности. Надо Аманду будет предупредить, чтобы она смотрела,

что ест и что пьет. Я хорошо помню предостережения о том, что род де Фюрьи отлично умеет пользоваться ядами.

А еще были Мартин и Гарольд. Расставались по весне они врагами, а сегодня общались как ни в чем не бывало. Означает ли это потепление отношений или просто Гарольд дал Мартину понять, что война сейчас никому не нужна и настало время переговоров? Мне он по этому поводу ничего не говорил, так что я могу только предполагать, как оно будет дальше. Нет, со мной все ясно, я с Монброном до конца пойду, до костра и смерти, но понимать хотелось бы. А воевать, если честно, — нет. Нас и так осталось всего ничего.

Это хорошо было видно по нашей спальне. Ворон, заметив, что мы собрались убрать те ложа, которые теперь было некому занимать, запретил нам это делать.

— Помните, — веско произнес он, погрозил нам пальцем и вышел из спальни.

Что именно мы должны помнить, было неясно, точнее, версий было много. Но нарушить его запрет мы не посмели, а потому все оставили так же, как было год назад. Вот только тогда в спальне яблоку упасть было некуда, а сейчас под потолком эхо гуляет. И не по себе очень, когда глядишь на пустые матрасы, застланные тонкими одеялами, и вспоминаешь тех, кто на них спал. Как верно заметила Луиза, словно на кладбище ночуешь.

Луиза, кстати, побывала-таки у Ворона, вернулась от него сияющая, и причина этого была видна по ее лицу в буквальном смысле.

Глаз он ей не вернул и шрам не убрал, но при этом выглядел этот шрам теперь так, будто ему лет двадцать или даже поболее того. Краснота, которая так выводила из себя Луизу, ушла, он побелел и стал еле различимым, как тоненькая черточка. У Агриппы некоторые рубцы на лице так выглядят. Не поймешь сразу, то ли шрам, то ли морщина.

Так что было о чем поразмыслить.

И хорошо, потому как уже вечером, после ужина, нам всем стало ясно: времени на то, чтобы предаваться мыслям о всяком и разном, у нас уже не будет.

Ворон дождался, пока мы не застучим ложками по донцам опустевших плошек, раскурил свою неизменную трубку и ласково произнес:

— Ну что, покушали?